

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОВ
С РАЗЛИЧНОЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ)**

А. И. Ковалева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kowalowa_anna@mail.ru
науч. рук. – И. С. Ровдо., доктор фил. наук, профессор*

На материале русской и белорусской лексики рассматриваются возможные структурные и семантические типы отношений между словами с различной внутренней формой в сопоставляемых языках. При условии рассмотрения внутренней формы в качестве выразителя национально-специфического взгляда на действительность подчеркивается необходимость исключения из материала исследования лексических единиц, находящихся в отношениях гетеросемии. Анализ внутренней формы полисемантов предлагается проводить для каждого лексико-семантического варианта по отдельности. Описываются случаи несовпадения внутренних форм у идентичных по семантике паралекс и омолекс близкородственных языков. Различие их внутренних форм связывается с тем, что при синхронном описании языковых систем одно из соответствий расценивается как мотивированное, а другое как немотивированное.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; переводные соответствия; дериват; ономазиология; семасиология.

**STRUCTURAL-SEMANTIC RELATIONS BETWEEN WORDS WITH DIFFERENT
INNER FORMS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND BELARUSIAN VOCABULARY)**

A. I. Kovaleva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, Minsk 220030, Republic of Belarus, kowalowa_anna@mail.ru
scientific adviser – I. S. Rovdo, Doctor of Philology, Professor.*

The article deals with structural and semantic types of relations between Russian and Belarusian words with different inner forms. Heterosemants shouldn't be included in research material, if inner form of a word is considered as a mark of national point of view. When researching inner form of word lexical-semantic variants of the same polysemant should be analyzed separately. The cases of discrepancy between inner forms of Russian and Belarusian semantically similar omolexes and paralexes are described. The reason of different inner forms of such correspondences is that one of the words is motivated and the other is not.

Keywords: inner form of a word; translated correspondences; derivatives; onomasiology; semasiology.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ) традиционно рассматривается в качестве параметра межъязыкового сопоставления. Она является вербализованным хранителем информации об объекте номинации, поэтому, подчеркивая национальную специфику наименований одного и того же объекта действительности в разных языках, указывают на случаи различной ВФ переводных соответствий, как, например, рус. *блюдце* (посуда подобна

блюду) – бел. *сподак* (талерка, якая ставіцца пад спод кубка). Феномен ВФ анализируется на базе слов сопоставляемых языков с обязательным учетом как содержательной, так и формальной сторон слова. В связи с этим возникает необходимость охарактеризовать переводные соответствия, члены которых обладают разной ВФ, в семасиологическом и ономазиологическом аспектах.

Все многообразие структурно-семантических отношений между лексическими единицами сопоставляемых языков удобно представить в виде следующей матрицы [1, с. 15]:

		Семасіялагічны аспект супастаўлення Адносіны азначаемых		
		Амасеманты	Парасеманты	Гетерасеманты
Амасялагічны аспект супастаўлення Адносіны азначальных	Амалексы	1) рус. <i>стол</i> – бел. <i>стол</i>	2) рус. <i>гусеница</i> – бел. <i>гусеніца</i>	3) рус. <i>боронить</i> – бел. <i>бараніць</i>
	Паралексы	4) рус. <i>коридор</i> – бел. <i>калідор</i>	5) рус. <i>место</i> – бел. <i>месца</i>	6) рус. <i>парной</i> – бел. <i>парны</i>
	Гетэралексы	7) рус. <i>тетрадь</i> – бел. <i>шытак</i>	8) рус. <i>видимость</i> – бел. <i>бачнасць</i>	9) рус. <i>ужинать</i> – бел. <i>снедаць</i>

Характеризуя тип семантических отношений между словами двух сопоставляемых языков, указывают на существование омосемантов (семантически тождественных слов), парасемантов (слов с неполным совпадением семантического объема) и гетеросемантов (слов, значения которых не совпадают). Если рассматривать ВФ в качестве вербального выразителя основания номинации, то различие ВФ, присущее словам, не сходным по семантике, представляется вполне естественным, поскольку разные объекты действительности обладают разными характеристиками. В то же время случаи несовпадения ВФ соотносимых по семантике единиц разных языков интересны как материал для восстановления языковой картины мира, так как запечатлевают в плане выражения слов разные особенности одного и того же объекта либо различные способы вербализации одной и той же особенности. Например, помещение, в котором содержатся лошади, по-русски называется *конюшней* (ВФ указывает на животных, которые там находятся), а по-белорусски *стайней* (ВФ подчеркивает, что основную часть времени кони проводят на ногах).

Таким образом, если целью изучения ВФ слов разных языков является определение того, как один и тот же фрагмент внеязыковой действительности отражен средствами языка, исследование должно проводиться на базе семантически тождественных единиц в направлении от содержания к форме. Следовательно, анализ ВФ должен базироваться на раздельном сопоставлении ВФ, присущих каждому ЛСВ слова исходного языка, и ВФ соответствий данных ЛСВ в языке перевода:

- рус. *неоперившийся* – бел. 1. *бяспёры*; (о птенце) разг. *галапунак*;
2. перен. *неспрактыкаваны*.

Это значит, что в качестве базы для изучения ВФ как выразителя национально-культурной специфики языка должны привлекаться не только омосеманты (рус. *лапчатка* – бел. *дуброўка*), но и парасеманты (иллюстрация представлена выше), поскольку для анализа наименований одного и того же объекта действительности безразлично, совпадает ли весь объем значений тех слов обоих языков, частью значений которых являются рассматриваемые идентичные в обоих языках ЛСВ. Так как ЛСВ не существует вне связи с некоторой материальной формой, общей для всех ЛСВ одного слова, далее, пользуясь традиционным термином «внутренняя форма слова», будем иметь в виду ВФ не слова в целом, а ВФ отдельного его ЛСВ.

Если сопоставление ВФ слов проводится с целью выявления уникального взгляда на действительность, запечатленного в формальной стороне слова, то семантические параметры единиц, ВФ которых подлежат изучению, должны быть заданы а priori. Определение же структурных отношений, в которых могут находиться слова с различной ВФ, возможно только на основании анализа отобранных единиц. Межъязыковые соответствия с точки зрения их структуры делятся на:

1) омолексы – однокорневые слова с регулярными фонетико-морфологическими различиями в своем строении (рус. *говорить* – бел. *гаварыць*);

2) паралексы – родственные слова, имеющие нерегулярные различия плана выражения (рус. *ладонь* – бел. *далонь*);

3) гетеролексы – разнокорневые слова (рус. *тыква* – бел. *гарбуз*) [2].

Слова с различной ВФ семантически эквивалентны и при этом удовлетворяют одному из перечисленных ниже условий:

- 1) основаны на разном мотивирующем признаке;
- 2) основаны на тождественном мотивирующем признаке, который вербализован по-разному;
- 3) одно из переводных соответствий не имеет ВФ.

Исходя из вышеназванных характеристик, можно предположить, что все переводные соответствия с различной ВФ являются гетеролексами – разнокорневыми соответствиями. Однако реальный языковой материал не подтверждает данную гипотезу.

В лексических системах русского и белорусского языков имеется ряд омолекс и паралекс, которые с синхронной точки зрения обладают различной деривационной историей. Например, в русском языке существует слово *глупыш* ‘северная морская водоплавающая птица семейства буревестников’. В качестве его переводного соответствия в белорусском языке выступает его омолекс *глупыш*. Несмотря на совпадение плана выражения сопоставляемых единиц, их пару необходимо рассматривать как пару слов с различной ВФ. *Глупыш* в русском языке входит в словообразовательное гнездо с вершиной *глупый*, которая является ВФ слова *глупыш*: свое название птица получила благодаря тому, что чрезвычайно доверчива и совершенно не боится человека. У бел. *глупыш* ВФ отсутствует, так как в лексической системе белорусского языка нет такого слова, которое могло бы мотивировать данное. Таким образом, рус. *глупыш* – бел. *глупыш* можно охарактеризовать как омолексы с различной ВФ.

Проиллюстрировать различие ВФ у омолекс можно также на примере семантического деривата и его немотивированного соответствия. Одним из значений рус. *бабочка* является ‘галстук в виде небольшого жесткого банта’. В том же значении в белорусском языке используется слово *бабачка*. ВФ русского семантического деривата является *бабочка* ‘насекомое с двумя парами крыльев разнообразной окраски, покрытых микроскопическими чешуйками’. В белорусском языке слова *матыль* и *матылёк* не развили значение ‘галстук’ ни вне связи с русским соответствием, ни в качестве кальки с русского полисеманта, слова *матыль* и *матылёк* не стали мотивирующими для структурного деривата со значением ‘галстук’. Поскольку для наименования галстука такого типа белорусским языком было заимствовано русское слово и в пределах белорусского языка оно не может быть мотивировано, бел. *бабачка* не имеет ВФ.

Аналогичная ситуация складывается и среди паралекс. Съедобный пластинчатый гриб, похожий на рыжик, по-русски называется *волнушка*, а по-белорусски – *ваўнянка*. Такие названия гриб получил благодаря ворсистой шляпке, которая на ощупь напоминает шерсть. В белорусском языке слово *ваўнянка* обладает ВФ, поскольку продолжает быть связанным со словом *воўна*. В русском языке слово *волна* ‘шерсть’

утрачено, следовательно, с синхронной точки зрения рус. *волнушка*, общее по происхождению с бел. *ваўнянка*, лишено ВФ.

Таким образом, слова, демонстрирующие различную ВФ в русском и белорусском языках, охватывают все сегменты предложенной матрицы. Однако, поскольку при условии изучения ВФ как носителя специфического взгляда на действительность анализ лексических единиц производится в ономаσιологическом аспекте, в рамках исследований такого типа рационально ограничиться лишь омосемантами и парасемантами. Со структурной точки зрения основной массив белорусских и русских переводных соответствий с различной ВФ вписывается в границы гетеролекс. Существование паралекс и омолекс с различной ВФ связано с тем, что при синхронном описании языковой системы одна из сходных по форме лексических единиц рассматривается как обладающая ВФ, а ее переводное соответствие как лишенное ВФ. В таком случае переводные соответствия, ВФ которых свидетельствует о специфическом в рамках сопоставляемых языков взгляде на действительность, располагаются в 1, 2, 4, 5, 7 и 8 сегментах матрицы.

Библиографические ссылки

1. Роўда І. С. Рознаўзроўневая намінатыўная адпаведнасць беларуская і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакун). Мінск: БДУ, 1999.
2. Ратникова И. Э. Межъязыковые системные отношения лексем как предмет теоретической семантики и глоттодидактики // IV чтения, посвящённые 70-летию со дня рождения профессора В.А. Карпова, Минск, 19-20 марта 2010. Минск: РИВШ, 2010. Ч.1. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/50938> (дата обращения: 18.04.2021).